

Небо за окнами медленно темнело, переливаясь из глубокого синего в густой, чернильный фиолетовый. Они наконец напарились вволю — кожа после горячего источника была розовой, расслабленной, приятно покалывало кончики пальцев, — и перебрались в зону отдыха, где их ждал шведский стол.

Цзи Линьсюэ бродил вдоль длинных прилавков с совершенно отсутствующим видом. В итоге на его тарелке оказались только овощи и фрукты — сплошная зелень, и лишь несколько одиноких клубничин атели посреди этого изумрудного моря, как крошечные огоньки.

— Это всё, что ты будешь есть? — раздалось над ухом.

Гу Хэнчжи стоял рядом, в руках у него была тарелка, на которой горой возвышалось мясо, рис и ещё что-то, явно горячее и сытное.

Цзи Линьсюэ посмотрел на свою тарелку, потом на его, и пожал плечами:

— Не хочется.

За столиком, куда они вскоре вернулись, их уже ждали. Шэнь Шаоянь, подперев щёки кулаками, смотрел на них с таким видом, будто его только что предали.

— Хэн-гэ, — голос его звучал обиженно, — а почему ты обо мне не спрашиваешь? Я тоже, между прочим, твой друг! Тоже, может, витаминов хочу!

— Потому что ты и так ешь за троих, — парировал Лу Юй, кивая на его тарелку, доверху заваленную мясом всех возможных видов. — Ты на своё посмотри, прежде чем рот открывать.

— А ты? — Шэнь Шаоянь ткнул в него пальцем. — Ты свою тарелку видел? Там вообще непонятно что!

— Это называется «сбалансированное питание», — с достоинством ответил Лу Юй. — В отличие от твоего «мясного угара».

Они снова принялись препираться, и Цзи Линьсюэ, давно привыкший к их вечным перепалкам, молча уткнулся в свою тарелку и принялся жевать зелень, краем уха слушая, как двое его друзей обсуждают, у кого в тарелке больше пользы, а у кого — вреда.

Когда они вышли из клуба, город уже утонул в темноте. Фонари горели тускло, нехотя, словно тоже устали за день.

Назад ехали на машине семьи Шэнь — просторный чёрный автомобиль бесшумно скользил по ночным улицам. Время было позднее, и Шэнь Шаоянь, взглянув на часы, решил не

возвращаться домой, а заночевать в общежитии.

— Раз уж выпал такой редкий выходной, — заявил он, едва переступив порог комнаты и плюхнувшись на свою кровать, — спать рано нельзя! Давайте ужастик посмотрим!

Лу Юй, который при слове «ужастик» оживлялся, как охотничья собака при виде дичи, немедленно согласился. Гу Хэнчжи и Цзи Линьсюэ переглянулись. Портить компанию не хотелось, и они тоже кивнули.

Шэнь Шаоянь, довольно потирая руки, нырнул в интернет и через пару минут торжествующе объявил, что нашёл фильм с самыми высокими рейтингами — «самый страшный, самый жуткий, просто жуть».

Свет погасили, уселись перед монитором.

Для пущего эффекта фильм начинался сразу с жуткой, туманной сцены. Камера медленно плыла над пустошью, выхватывая из молочно-белой мглы смутные очертания — то ли деревья, то ли человеческие фигуры. Потом в кадре проявилась старая, заброшенная деревня: покосившиеся дома, заколоченные ставни, чёрные провалы окон.

— Красиво снято, — заметил Лу Юй одобрительно.

Через несколько секунд в кадре появилась группа молодых людей в яркой, беззаботной одежде. Они шли по пустынной тропинке, смеялись, толкали друг друга плечами — такие живые, такие настоящие. И такие обречённые, если судить по законам жанра.

— Спорим, с ними что-то случится? — с умным видом изрёк Шэнь Шаоянь.

— А ты посмотри на постер, — закатил глаза Лу Юй. — Кто там, по-твоему, изображён в кровавых разводах?

Тем временем на экране компания добралась до деревни. Все дома были наглухо заколочены, и только одна старуха — маленькая, сморщенная, с бельмом на глазу — согласилась пустить их на постой.

— Сразу видно — плохая тётка, — прокомментировал Шэнь Шаоянь, ёрзая на стуле.

— Заткнись, — шикнул на него Лу Юй.

Они планировали прожить здесь неделю. Но уже с первой ночи начали твориться странные вещи.

Окровавленная голова, появившаяся в полночь прямо на подушке одного из парней, к утру бесследно исчезла. Никто не помнил, как она там оказалась. А парень... парень просто не проснулся.

Сюжет закручивался, напряжение нарастало.

Шэнь Шаоянь, позабыв о своей недавней бравате, сначала поджал ноги на стул, потом вцепился в талию Лу Юя, а ещё через пять минут уже зарылся лицом ему в бок, оставив только одну узкую щёлочку между пальцев — чтобы следить за происходящим.

Лу Юй безжалостно оторвал его от себя и развернул лицом к экрану.

— Боишься — не смотри. А смотришь — не ной. Терпи.

— Ай! — Шэнь Шаоянь дёрнулся и снова зажмурился, когда на экране из темноты возникла чья-то рука. Голос его дрожал, срываясь на фальцет. — Ты видел?! Эти ноги! Они просто откуда-то взялись, из ниоткуда! Это же жуть! Ты что, не испугался?

Он покосился на Гу Хэнчжи и Цзи Линьсюэ. Те сидели с каменными лицами, не выказывая ни малейших признаков страха. Цзи Линьсюэ даже зевнул, прикрыв рот ладонью.

Шэнь Шаоянь снова нырнул в объятия Лу Юя и принялся тереться о него, как нашкодивший кот, требующий ласки.

— Всё, я так и буду смотреть! И не трогай меня! Ты мой талисман!

— Отвали, — брезгливо поморщился Лу Юй. — Ещё раз так сделаешь — выкину в коридор. Кошкам своим будешь в глаза смотреть.

Шэнь Шаоянь, испугавшись всерьёз, замер и послушно уставился на экран, вцепившись в рукав Лу Юя мёртвой хваткой.

Час спустя фильм закончился. На экране поползли титры.

— Я же говорил! — с облегчением, даже с каким-то вызовом, выдохнул Шэнь Шаоянь. — Никаких призраков! Это всё тот мужик, психопат! Человек — вот главное зло! Я всегда это знал!

— Интересно, — протянул Лу Юй с лёгкой усмешкой, — а кто это тут у нас минуту назад визжал, как потерпевший, и прятался за моей спиной, как маленький?

— Не знаю, — Шэнь Шаоянь сделал круглые, невинные глаза. — Наверное, кто-то другой. Тут много народу было.

Он повернулся к Гу Хэнчжи.

— Хэн-гэ, ты, я смотрю, тоже не испугался? Сидел как скала.

Гу Хэнчжи моргнул. Раз. Другой. Словно только что очнулся от глубокой задумчивости.

— Что? — переспросил он рассеянно.

И в тот же миг его левое плечо, на которое всё это время, сам того не замечая, опирался Цзи Линьсюэ, ощутимо полегчало.

Цзи Линьсюэ поднял голову и, щурясь спросонья, потёр глаза кулаком. Вид у него был сонный, немного растерянный — как у кота, которого разбудили среди бела дня.

— Ничего себе! — Шэнь Шаоянь вытаращился на него так, будто увидел привидение покрупче тех, что только что мелькали на экране. — Ты что, уснул?! Под такой-то фильм?! Там же ужас был! Жуть! Кошмар!

Он сам только что чуть не поседел от страха, а этот — уснул. Просто взял и уснул, пока на экране творилось черт знает что.

— Извините, — голос у Цзи Линьсюэ был хриловатым, чуть севшим после сна. — Устал очень.

Они и правда целый день мотались по городу: ездили, ходили, ели, парились, снова ели. Вернулись в общагу уже в десять, а тут ещё и фильм. Обычно в это время он уже спал, проваливаясь в сон, едва коснувшись подушки.

Гу Хэнчжи вспомнил, как во время фильма несколько раз замечал, что голова Цзи Линьсюэ начинает клониться, и осторожно, чтобы не разбудить, подставлял плечо. Тот утыкался, замирал на минуту, потом просыпался, тряс головой и снова пытался смотреть. Под конец, видимо, сон всё-таки победил.

— Спи, — тихо сказал он тогда, придерживая его голову.

— Ах вот оно что! — осенило Шэнь Шаояня. — Так вот почему ты всю дорогу сидел как истукан! Прикрывал Снежка! Ни фиги себе!

Цзи Линьсюэ виновато улыбнулся, всё ещё сонно моргая:

— Прости, что доставил хлопот.

— Никаких хлопот, — Гу Хэнчжи поднялся, разминая затекшее плечо. — Пойду умоюсь.

Цзи Линьсюэ тоже встал и вышел за ним — в туалет, умываться и приводить себя в порядок после сна.

Когда они скрылись за дверью, Лу Юй громко, с наслаждением, зевнул.

— Я спать, — объявил он и направился к своей кровати.

— Эй, рано же! — Шэнь Шаоянь попытался его удержать, схватив за рукав.

Лу Юй молча, выразительно, ткнул пальцем в настенные часы. Стрелки неумолимо показывали без пяти час. Почти ночь.

— Рано?

Шэнь Шаоянь загадочно, даже как-то хищно, улыбнулся.

— Есть кое-что ещё. Очень интересное.

Лу Юй насторожился:

— Что ещё?

Гу Хэнчжи, выйдя из туалета, увидел Цзи Линьсюэ на балконе. Тот стоял, облокотившись на перила, и смотрел в ночь. Лунный свет, пробиваясь сквозь лёгкую дымку облаков, серебрил его волосы, делая силуэт невероятно чётким, почти нереальным. Профиль — точеный, холодный, отрешённый — казался высеченным из мрамора. Ангел, сошедший с небес и случайно забывший, как вернуться обратно.

Гу Хэнчжи замер на пороге, замороженный этой картиной. Потом сделал шаг вперёд, на балкон. Ночной ветер ударил в лицо, но он почти не заметил холода.

— Если хочешь спать — иди, — сказал он негромко. — А здесь замёрзнешь и точно не уснёшь. Ещё простудишься.

Цзи Линьсюэ покачал головой, не оборачиваясь.

Гу Хэнчжи понял: он хочет что-то сказать. Остановился в паре шагов, терпеливо ожидая.

Несколько секунд прошло в полной тишине, нарушаемой только далёким шумом машин и шелестом ветра в ветвях деревьев. А потом тишину разрезал его голос — чистый, как ночной воздух, и такой же холодный.

— Прости.

Гу Хэнчжи не ожидал. Он даже растерялся на мгновение, не зная, что ответить.

— За что?

— За Гу Цзыси, — Цзи Линьсюэ наконец повернулся, и в глазах его, серебристых в лунном свете, мелькнуло сожаление. — Я тогда... в саду, в отеле. Я слишком увлёкся. Хотел выведать правду, понять, что там произошло. Но не подумал о тебе. Совсем не подумал. А ты ведь просил держаться от него подальше. Предупреждал.

— Это было давно, — голос Гу Хэнчжи оставался ровным, спокойным, без тени упрёка. — Ты не должен извиняться. Я и не думал об этом. Правда.

Цзи Линьсюэ всё ещё хмурился, на лбу залегла складка. Он явно не был удовлетворён ответом.

Тогда Гу Хэнчжи, не удержавшись, протянул руку и взъерошил ему волосы. Те оказались именно такими, как он и представлял — мягкими, шелковистыми, приятными на ощупь. Пальцы сами зарылись в них глубже, на секунду задержались.

— Всё, хватит, — он улыбнулся. — Идём внутрь. Холодно.

Цзи Линьсюэ кивнул.

— Хорошо.

Он зашёл в туалет — умыться и окончательно прогнать остатки сна. А в это время в комнате разворачивалась другая сцена.

Шэнь Шаоянь, оставшись наедине с Гу Хэнчжи, крутился вокруг него юлой.

— Хэн-гэ, не ложись! Рано! Мы ещё не всё посмотрели!

— Который час? — Гу Хэнчжи посмотрел на него с плохо скрываемым раздражением. — Что там ещё может быть?

— Не ужасик, не бойся. — Шэнь Шаоянь заговорщицки подмигнул и понизил голос до шёпота.
— Кое-что поинтереснее. Для взрослых.

— Сам смотри, — отрезал Гу Хэнчжи, пытаюсь высвободиться из его цепких рук и лечь наконец спать.

И тут Шэнь Шаоянь, обычно не отличающийся сообразительностью, вдруг выдал фразу, достойную гротескмейстера:

— Снежок тоже будет смотреть. Я уже договорился.

Лу Юй, который на самом деле вовсе не собирался спать, а просто прилёг на кровать и наблюдал за этой сценой с лёгкой усмешкой, удивлённо приподнял бровь. Ого, а этот малый не так прост, как кажется. Тактика «бей в самое больное» — отличный ход.

Гу Хэнчжи замер. Рука, которой он пытался отцепить от себя Шэнь Шаояня, безвольно опустилась.

— Он согласился? — голос звучал скептически, но в глазах мелькнуло что-то, чему сам Гу Хэнчжи не нашёл бы названия.

Шэнь Шаоянь с самым серьёзным, даже торжественным видом кивнул.

— Конечно! Сказал, что хочет посмотреть.

Гу Хэнчжи, не говоря ни слова, развернулся и снова сел на стул перед монитором.

Шэнь Шаоянь мысленно поаплодировал себе. Сработало! Лучший психолог года — это он.

Когда Цзи Линьсюэ вышел из туалета, всё ещё протирая глаза, Шэнь Шаоянь метнулся к нему и что-то быстро зашептал на ухо. Тот, в отличие от Гу Хэнчжи, не стал упрячиться и не задавал лишних вопросов. Просто пожал плечами и кивнул.

Они снова уселись перед монитором. Шэнь Шаоянь загородил экран спиной, делая вид, что что-то там настраивает, возится с файлами, хотя на самом деле просто тянул время для пушного эффекта.

— Долго ещё? — Гу Хэнчжи начинал заметно нервничать.

Цзи Линьсюэ снова зевнул, прикрывая рот ладонью. На глазах от усталости выступили слёзы.

— Всё, готово! — Шэнь Шаоянь театральным жестом нажал Enter и отсел в сторону, открывая обзор на экран. — Наслаждайтесь.

На экране пошло кино. На этот раз — интерьер, уютная, даже какая-то слишком уютная гостиная, мягкий свет, дорогая мебель. Никого. Потом — дзынь! — дверной звонок, входят мужчина и женщина. Оба приятной наружности, хорошо одетые, с улыбками. Садятся на диван, начинают разговаривать.

Гу Хэнчжи смотрел вяло, без всякого интереса. Он перевёл взгляд на Цзи Линьсюэ, который сидел рядом, и тихо, чтобы слышал только он, сказал:

— Если устанешь — ложись на меня. Я подержу.

— М-м, — рассеянно отозвался тот, не отрывая глаз от экрана.

Голоса они не понижали, и Шэнь Шаоянь прекрасно всё слышал. Он хмыкнул про себя довольно. Посмотрим, как вы тут уснёте. Оба.

На экране мужчина достал из соседней комнаты шахматы, поставил на журнальный столик. Они с женщиной заговорили. На японском.

— Японский хоррор? — нахмурился Гу Хэнчжи, вглядываясь в субтитры. — Я не понимаю по-японски.

Шэнь Шаоянь посмотрел на него с самым невинным выражением: мол, твои проблемы, смотри в оригинале с субтитрами.

Лу Юй, сидевший рядом, молчал, как партизан на допросе, и только лёгкая усмешка блуждала в уголках его губ.

Гу Хэнчжи пришлось смотреть дальше. Герои начали партию, но камера почему-то не показывала доску. Вместо этого она задерживалась на разных деталях: как женщина нервно, но в то же время как-то... томно, гладит свои бёдра; как мужчина то и дело сглатывает и пьёт воду, хотя, казалось бы, не жарко.

Партия закончилась. Женщина произнесла фразу с интонацией, которая ну никак не походила на разочарование:

— О, я проиграла...

Скорее это звучало как предвкушение. Как обещание.

Половина зрителей — Шэнь Шаоянь и Лу Юй — ждали этого момента с замиранием сердца, предвкушая реакцию остальных. Другая половина — Гу Хэнчжи и Цзи Линьсюэ — пребывала в лёгком недоумении, не понимая, к чему весь этот разговор.

И тут женщина на экране, не вставая с дивана, медленно, с ленивой грацией, сняла пиджак. Белая, почти прозрачная блузка плотно облегла фигуру, подчёркивая каждую линию.

— Сэнсэй, — голос её звучал вкрадчиво, многообещающе, низко, — может, научите меня играть получше?

Мужчина встал. Сглотнул. Глаза его, до этого скучающие, загорелись нетерпением.

— Конечно. С удовольствием.

Женщина застенчиво, но при этом очень уверенно, улыбнулась и положила пальцы на верхнюю пуговицу блузки. Легкое, почти неуловимое движение — и первая пуговица расстегнута. Потом вторая. Третья. Ткань медленно расплзлась, открывая взгляду...

— Твою ж дивизию! — Гу Хэнчжи вскочил так резко, что стул с грохотом отлетел в сторону, а трое остальных подпрыгнули от неожиданности.

Лицо его потемнело, на скулах заходили желваки.

— Что это?! — голос звучал почти угрожающе.

Шэнь Шаоянь захлопал глазами, не понимая, в чём дело. Реакция была даже лучше, чем он ожидал, но почему-то не такой, как он предполагал.

— Хэн-гэ, ты чего так разорался? — спросил он растерянно. — Я ж тебе таких ссылок накидал — ты что, ни одной не открывал? Серьёзно?

Цзи Линьсюэ с неподдельным, живым любопытством переводил взгляд с одного на другого, пытаясь понять, что происходит.

Под этим чистым, невинным взглядом Гу Хэнчжи почувствовал себя так, будто его раздели и выставили на всеобщее обозрение посреди площади. Жарко стало. Он попытался сохранить лицо, собрать остатки достоинства.

— Конечно, открывал! — голос прозвучал резче, выше, чем хотелось бы. Слишком защитно.

Он прокашлялся, стараясь скрыть неловкость, и перевёл разговор в другое русло:

— У тебя же девушка есть. Зачем тебе это?

На самом деле он смотрел такие вещи крайне редко. Пару раз Шэнь Шаоянь скидывал ссылки, он открывал, смотрел минут пять — и закрывал. Противно было. Слишком грязно, слишком неестественно, слишком... не про то.

— А девушка при чём? — Шэнь Шаоянь был абсолютно невозмутим. — Я, между прочим, всё ещё девственник. — Он произнёс это с такой гордостью, будто речь шла о важном достижении. — Надо же как-то удовлетворять потребности. Физиологические. Ты меня понимаешь.

Цзи Линьсюэ прикрыл рот кулаком, пряча улыбку, которая всё равно пробивалась в уголках губ и в смеющихся глазах.

Смешно, но факт: при всей своей бурной, как ему самому казалось, личной жизни, при всех своих бесчисленных девушках, Шэнь Шаоянь действительно оставался девственником. Автор романа, видимо, решил, что постельные сцены с участием несовершеннолетних — это перебор, и отложил всё это на время после совершеннолетия, когда герои станут взрослыми и смогут отвечать за свои поступки.

Не только он, кстати. Гу Хэнчжи, главный герой, — тоже. И Цзи Линьсюэ об этом знал. Знал — и не мог сдержать улыбки, глядя на то, как двое его друзей спорят о фильмах для взрослых, а третий пытается сделать вид, что он тут вообще ни при чём.

<http://bllate.org/book/16531/1569420>